

Философия боли

18+

Нинель Печерина

Нинель Печерина
Философия боли

«Автор»

2023

Печерина Н.

Философия боли / Н. Печерина — «Автор», 2023

Главная героиня – Яна, тридцатидвухлетняя девушка с ребенком-подростком, пытается через дневник разобрать и разложить травмирующий опыт своей жизни, который привел ее к эмоциональному срыву и неспособности построить здоровые отношения. Приобретя в детстве паттерн заслуживать любовь, она перенесла это во взрослую жизнь. Книга своего рода рефлексия о прожитых годах и попытка разобраться в своих чувствах, одновременно с тем может помочь другим людям, которые также не находят своего места и чувствуют себя нелюбимыми, остановиться, разобраться в себе и найти свое место.

© Печерина Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Просветление	8
Запись 1. Взгляд марионетки	10
О мотивах	13
Запись 2. В цвет крови	15
Запись 3. Любимое время года – красный	21
Мгла	28
Запись 4. Конь уже в стойле, а с принцем что	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нинель Печерина

Философия боли

Я вложу свою боль в эту книгу. А потом попрошу ее сжечь.

Пролог

Любая книга, написанная от первого лица, субъективна. Миссия по описанию событий и людей в таких историях возложена на главного героя, ведущего повествование, и именно его глазами читателю приходится смотреть на все сюжетные линии. Именно с его легкой руки персонажи произведения наделяются положительными или отрицательными качествами, им назначается роль негодяя или, напротив, главного оплота добродетели. Восприятие самого повествователя также во многом определено его собственным отношением к себе, самооценкой, а также степенью правдивости и беспристрастности, с которой описываются ключевые события.

Конечно, все сказанное имеет смысл только в случае, если текст составлен по реальным событиям, а не является выдумкой автора.

Каждая глава этой книги написана от первого лица, моей рукой и обо мне же. Это боль одной маленькой частички в масштабах Вселенной, ее философия, ее история, и пристальный зрительный контакт с отражением в старом потрескавшемся зеркале.

Но у всех глаза воспринимают окружающий мир по-разному, и каждому дают свое представление о красоте. Не исключено и то, что все события – большей частью вымысел и преувеличение, навеянные бразильскими и не только сериалами, мыльными операми и дешевыми бульварными романами в мягком переплете. А, может быть, и нет, и все так и есть на самом деле. Возможно, персонажи повествования – лишь плод моего воображения, и совпадения с реальными людьми незначительны и случайны, а может быть и так, что все это действующие лица разных этапов жизни вполне себе реального человека.

Кстати, память – интересная штука. Правда у каждого своя, и, если очень постараться, можно вычеркнуть из нее какие-то события совсем или модифицировать их до неузнаваемости, причем сделать это так искусно, что потом фактами и правдой даже для ее обладателя становятся уже совсем другие события и люди. Вполне возможно, что именно это и произошло с головой повествователя, и большая часть событий развивалась не так или не совсем так, как это отложилось в его памяти.

Даже когда речь идет об изложении фактов, имеющих ключевое значение для мировой истории, особенно давно минувших дней, все, что нам остается, это полагаться на мастерство и правдивость летописца, и именно его субъективное мнение транслируется веками в книгах и учебниках истории. Именно от него мы узнаем о характере и достижениях той или иной фигуры, ее внешности, и из поколения в поколение передаются, например, восторженные отклики о чьей-то красоте, мужестве и силе духа известных правителей, слабоумии или трусости тех, кто был свергнут с трона. И, конечно, спустя время, находится другой летописец, в памяти которого правда выглядит совсем иначе, и вот тут начинаются споры, причем во многом споры о пустом, потому что и тот, и другой, скорее всего, правдив, и то, и другое является правдой, но правда не равна фактам, а факты уже невозможно установить за давностью лет.

Ну и, конечно, как бывает всегда, когда история рассказывается кем-то одним, в ней отражено исключительно субъективное восприятие одной стороны, эгоистичное и прекрасное в своей предвзятости.

Получается, что правды или неправды не существует. Есть восприятие и интерпретация. Последняя предназначена для достижения простой цели – доказать остальным, что именно это восприятие является истиной и соответствует фактам. Далеко не редкость, когда интерпретация отдельных событий кем-то из его участников направлена на формирование оправдательной для рассказчика позиции, искажающей мотивы и последствия тех или иных поступков.

Зачем я все это пишу? Не знаю... Хочу порассуждать на тему смысла жизни, роли в ней, казалось бы, случайных людей, но, самое главное, приобрести умение искать опору в неудачах,

обмане, лжи и разочарованиях, ибо я верю, что они не случайны, и, оставляя горький осадок, приносят в душу новые знания, чувства и мысли, новый этап взросления личности и надежду.

И, конечно, мне бы очень хотелось, проведя анализ всего понаписанного, попытаться поставить равно между понятием факты, правда и интерпретация в своей вконец запутавшейся голове.

Просветление

По редким бликам, падающим на стол, стоящий у самой дальней стены в комнате, я понимаю, что за окном светит яркое солнце, хотя на дворе уже глубокая осень. Я очень хочу подставить свое лицо под эти яркие лучи, но не могу: падающий сквозь плотные жалюзи свет слишком рассеян и почти не греет. Мне остается лишь смотреть на листы бумаги на моей кровати, разбросанные в абсолютном беспорядке, и думать о том, как я смогу восстановить их хронологию, когда захочу собрать их вместе. Но это будет когда-нибудь потом.

«Нужно было проставлять номера на страницах», – запоздало подумала я. Теперь уже поздно, листов слишком много, и они успели перемешаться между собой.

Я беру в руку стертый практически до основания синий затупившийся карандаш и начинаю записывать на редкий чистый лист бумаги то, что еще не отражено на исписанных впопыхах страницах. Я уже чувствую, что, если мне удастся собрать все эти разрозненные черновики воедино, хотя это будет и нелегко, хаос, творящийся в моей голове, пусть на толику, но будет разобран и порядок наведен. Но это будет не сегодня.

Сейчас я спокойна и собрана, ведь вокруг меня нет красного цвета; все, что я вижу, абсолютно белое или спокойных холодных оттенков: постельное белье на кровати, на которой я сижу, белые листы бумаги, часть которых исписана ярко-синими буквами, светло-серый стол и жалюзи на окнах благородного цвета серебра. Ничего красного нет в моей комнате. Сегодня в ней нет даже цвета бордо или пино нуар, поэтому мои мысли чисты как никогда. Не потому, что я справилась, а потому что закончились краски.

Мне помнится, что я начинала писать дневник, как когда-то в детстве, но он стал настолько большой, что уже давно разросся за границы девичьих воспоминаний, поэтому вокруг столько страниц, что их объем угрожает в конечном итоге сложиться в целую рукопись.

Я посвящаю эти записи самой себе, потому что не ищу для них читателей. Идею возомнить себя писателем вложил в мою буйную голову давно ее пытающийся поправить психотерапевт. Он по-прежнему верит (или делает вид), что, следуя его советам, рано или поздно я смогу найти равновесие внутри себя и обрести опору в жизни.

И где только ее мы с ним уже не искали: и в религии, и в семье, и во внутреннем мире, но пока объявления на столбах еще развешены и поиски идут.

Как только я закончу писать и сложу все в ровную стопку, она отправится на детальное изучение единственному человеку, который все еще пытается мне помочь, и на условиях пункта о конфиденциальности в нашем с ним соглашении написанное никогда не прочтает мой ребенок, моя мать, мои друзья или коллеги по работе. Я не хочу, чтобы они узнали меня с такой стороны. Правда (такая, какой ее вижу я) во многом жестока, непонятна и порой сильно отличается от образа, который видят окружающие. Проведя параллели с реальными событиями, скорее всего все они отвернутся от меня, не поймут, не примут, как во многом и я сама.

Я пишу эти строки в надежде найти волшебную таблетку, чтобы, излив всю свою душу на эти листы бумаги, найти в себе силы жить дальше. Принять то, что нельзя изменить. Ошибки, которые уже не исправить. Необдуманые поступки, поспешные решения. Я верю, что могу оставить все это здесь, и одним прекрасным утром проснуться в кровати от лучей солнца, светящих в окно сквозь тонкие занавески, а не плотные жалюзи, и не чувствовать сдавливающей тяжести в груди. Не смотреть в воскресенье на время на часах на стене, когда большая стрелка минует отметку в нужное количество часов утра, и уже можно будет затуманить душу и разум насыщенным цветом бордо, вспоминая попутно, какой магазин, имеющий нужную лицензию, мной посещался последним. Чтобы никто никогда не узнал, как я на самом деле живу.

Я больше не хочу оглядываться по сторонам, я хочу видеть все прямо впереди перед собой.

Все то, чем исписаны листы в моей маленькой комнате, похоже на сумбурный рассказ о своей жизни человека с пулей сорок пятого калибра в голове, и ни в коем случае не претендует на правду или истину, или что-то подобное. Я не обладаю экспертными познаниями в области психологии, сексологии и смежных областях, не могу похвастаться успехами в личной жизни, выстраиванием крепкого домашнего очага, выходными, проводимыми за семейной трапезой с вкусными домашними пирогами. Это просто мой жизненный опыт, такой, каким его вижу я.

Моя личная жизнь сейчас похожа на разрушенный город после тайфуна, а голова на свалку ядерных отходов. Я не имею никакого права и компетенции кого-то судить и раздавать советы. В лучшем случае могу стать для кого-то примером того, как делать не надо.

Но я очень хочу снова найти себя...

А вы любите лес? В лесу работает простое правило. Если ты заблудился, нужно оставаться на месте и ждать помощи, иначе можно заплутать еще сильнее. А в жизни это работает? Остановиться и ждать, когда тебя кто-то спасет. Думаю, нет. Как правило, чтобы найти свой путь, нужно вернуться к его началу. Ко времени, с чего все началось, когда появилась первая рана, которая была настолько глубокой, что до сих пор сочится сукровицей, присыхая к чистой одежде.

Я не знаю, кому интересно будет читать мой дневник, и прочтет ли эту историю кто-нибудь, кроме меня и моего психотерапевта. И в глубине души мечтаю о том, чтобы эту рукопись никогда не прочитал никто. А я надеюсь, перечитывая страницы одну за другой, найти в ней ту самую точку отсчета.

Запись 1. Взгляд марионетки

Мы все манипулируем другими людьми, преследуя свои интересы, но каждый дергает за ниточки с разной силой. Кто-то щадит свою жертву, пытаясь не оттягивать сильно нежную кожу, другой же, напротив, вынуждая марионетку совершить нужное движение, тащит за них так, что сначала прочные веревочки натягиваются подобно струнам на музыкальном инструменте, а потом либо лопаются, слегка отпуская жертву из плена, либо отрываются от нее с куском плоти, оставляя после себя рваную рану.

Мой кукловод на время ослабил хватку, отправившись по чрезвычайно неотложным и важным делам, дав небольшой кусочек времени на отдых своей игрушке, чтобы потом с новой силой дергать за прочные ниточки.

И когда они уже наконец порвутся?

– Господи, хоть бы он не пришел, – думала я, глядя в окно на заваленный снегом двор. Какой-то мужчина пытался припарковать свою машину на единственное свободное место, но оно было больше похоже на сугроб, поэтому его минивэн никак не хотел на него убираться.

Я отошла от окна и посмотрела на часы. Уже полдень. Как здорово было находиться дома без него, но это бывало так редко, и теперь мне оставалось лишь с тоской ждать, когда хрупкие тишина и покой, воцарившиеся на короткое время в доме, будут разрушены неизбежным возвращением. Мой сын готовил уроки в своей комнате, и в общем-то мне можно было бы заняться своими делами или просто посидеть с книгой у окна, но я не могла ни на чем сосредоточиться, ведь для меня было очевидно, что скоро все это закончится.

На мобильный поступило сообщение, и я вздрогнула. В нем было написано: «Скоро буду». К сожалению, я знала, кто его написал. Тяжелая тоска, словно гранитные плиты, моментально навалилась на меня, размозжив настроение и хрупкий покой по грязному асфальту, спасти которые не представлялось абсолютно никакой возможности.

«Нужно брать себя в руки, ведь так будет всегда», – подумала я.

В ванной комнате меня ждали только что постиранные вещи. Пытаясь разобрать запутавшуюся кучу, я начала раскладывать их по стопкам: свои джинсы и футболки, школьную форму сына и значительно большие по размеру и количеству выстиранные вещи Тимура. Брезгливо взяв последние одними только кончиками пальцев, я кое-как повесила их сушить. Я не могла объяснить даже себе, почему так происходит, но годы шли, а муж вызывал во мне все то же чувство отторжения, что и раньше. Возможно даже большее.

Я чувствовала, как растущее чувство тревоги привычно захватывает все мои мысли, сердце стучит все чаще, а ладони становятся холодными и влажными от пота. Эти симптомы мне хорошо знакомы, особенно в последнее время. А вместе с ними неизменно наступали и другие – неприятное чувство жажды, подобное тому, с каким сталкиваются путники, долго бредущие по пустыне без капли живительной влаги во рту. И нет, думала я в этот момент отнюдь не о воде, мне хотелось совершенно другого напитка, чтобы хоть как-то обмануть голову и затуманить мысли. Чтобы хотя бы на время отрешиться от опротивевшей вконец реальности. Но я не поддаюсь сейчас своей слабости, не дам Тимуру еще один повод для злорадства.

Вместо этого, справившись с бельем, я направилась на кухню разогревать обед.

– Богдан, ты голодный? – окликнула я сына.

– Нет, мам, – последовал скорый ответ. – Я потом сам положу поесть, когда проголодаюсь.

– Хорошо, но только не откладывай надолго. Двенадцать часов дня уже.

Мне есть тоже совершенно не хотелось, поэтому я достала из шкафа только одну тарелку и начала накладывать в нее еду, но уже через минуту услышала звук поворачивающегося в двери ключа, и сердце болезненно сжалось.

– Я пришел, – раздался мужской голос из прихожей. Сразу за этим последовал звук падающих на пол зимних ботинок и шуршание куртки, забрасываемой на вешалку.

– Похоже, что всем наплевать, что я вернулся, – в голосе Тимура был слышен упрек. – Никто даже не встречает.

– Милый, я как раз накрываю для тебя обед, – сказала я. – Мой руки и садись.

– А ты что, со мной не поешь?

– Я не голодна.

Послышался звук захлопывающейся в комнату двери. Всегда, когда Тимур был дома, Богдан ее закрывал. Я тревожно повернула голову в сторону детской.

– Это он специально меня игнорирует. Показательное выступление, как обычно.

Муж явно был недоволен. Предчувствуя назревающий конфликт, я попыталась заступиться за сына.

– Не надумывай, – возразила я. – Он готовит домашнее задание, конечно мы шумим и мешаем ему сосредоточиться.

– Ну конечно, может быть, мне вообще домой не приходиться? – Тимур начинал заводиться. – Тогда вам всем вообще будет легче. Мне кажется, я вам всем тут мешаю.

– Какая глупость, – я фыркнула и поставила на стол запеченное мясо и только что нарезанный салат. – Садись давай.

Я направилась пойти проведать сына, но меня тут же резко окликнул Тимур:

– Ты куда? Посиди со мной, пока я ем.

– Я же сказала, что не голодна. Пойду проверю, как у парня уроки.

– Я что же, один должен сидеть? По-твоему, это нормально? Тебе не надоело меня игнорировать, я вообще-то твой муж!

Поняв, что спорить нет никакого смысла, я опустилась на стул рядом с мужем и стала покорно ждать, когда он закончит прием пищи.

– Как съездил, все удачно? – чтобы не чувствовать давление повисшей в доме тишины, я, как могла, пыталась поддержать беседу.

– Конечно удачно. Тормозные колодки на машине поменяли, я этого лоха еще и на пятихатку нагрел. Представляешь, перевел ему на карту меньше денег, а он даже не заметил. Очкарик какой-то.

Тимур был явно доволен собой, а вот меня передернуло от отвращения. Каждый раз, слушая бахвальство мужа о его способах экономии семейного бюджета, на меня накатывало противное чувство тошноты от его мелочности и отсутствии хотя бы малейших зачатков совести или стыда.

– Но теперь, наверное, эти деньги придется возместить тому несчастному сотруднику автосервиса. Может быть, вернешь их, пока еще не поздно?

– Дураков надо учить, – парировал Тимур и шумно прихлебнул чай из кружки.

– Ясно, – не желая продолжать неприятный разговор, я принялась изучать новости в интернете. Разговаривать с мужем не было никакого желания.

– Ты без телефона вообще что ли не можешь? – уничижительно спросил Тимур. – Тебя мама не учила, что так делать невежливо?

– Пожалуйста, не начинай, – мне совершенно не хотелось ссориться.

– Мужик домой вернулся, а ты ведешь себя как падла, – лицо мужчины перекосила злая гримаса. – Вечно в своем телефончике. С кем это ты там переписываешься?

– Я просто новости читаю, Тимур, прекрати уже!

– Ага, так я и поверил! Опять кому-нибудь жалуешься, какой у тебя муж плохой!

– На, проверь! – я бросила на стол телефон. Как же он меня достал!

Тимур заляпанной маслом рукой взял смартфон и принялся внимательно изучать его содержимое. Не найдя ничего подозрительного, он положил его обратно.

– В любом случае, так вести себя невежливо, – сказал он уже спокойнее. – Ты же не дура, должна это понимать.

– А что мне вообще можно делать, скажи? – вырвалось у меня в сердцах.

Однако вопрос остался висеть в воздухе. В полном молчании мы закончили обедать, после чего Тимур улегся на кровати просматривать новостные каналы, на мою же долю выпало занятие поинтереснее – убрать грязную посуду со стола. Закончив, я, наконец, направилась в комнату Богдана.

– Сынок, может быть, все-таки поешь? – спросила я, приоткрыв дверь в детскую.

– Если ты принесешь еду в мою комнату, то буду. Я не хочу сидеть там, – ответил подросток.

Кухня в нашей небольшой квартирке была соединена с комнатой, где размещались взрослые, а это означало, что нужно было сидеть на расстоянии вытянутой руки от отчима, чего мальчик очень не хотел. И я не могла осуждать его за это. Как бы я хотела тоже иметь дверь, которую можно было бы запереть.

Я положила сыну еды и отнесла в детскую. По дороге обратно мое внимание привлекло отражение в зеркале, и я невольно остановилась напротив него.

«Боже, в кого я превратилась!» – горько подумала я.

Глядя на себя в зеркало, я понимала, насколько изменилась в последние годы. Еще немногим ранее я ни за что не могла бы допустить, чтобы мои не расчесанные темные волосы были небрежно собраны в пучок резинкой на затылке, а факт того, что на лице, хоть было уже и воскресенье, начисто отсутствовала косметика, – такого никак и вообразить было нельзя. Я с тоской смотрела на свой застиранный домашний халат, уже потерявший всякий вид от количества стирок. Попытавшись расправить его руками, чтобы придать всему виду больше опрятности, я ужаснулась.

«А мои руки, руки, что с ними-то делать?» – ногти были неровными, пальцы без намека на маникюр, от постоянной готовки изрезанные тонкими следами кухонного ножа, кожа загрубела и местами облезла от воздействия бытовой химии без применения перчаток.

Я не узнавала себя. На смену спортивной, подтянутой девушки с огоньком в глазах, пришла женщина в возрасте ближе к среднему, сгорбленная, неопрятная, – жалкое зрелище. Да, глаза такие же синие, но это не тот синий цвет, что был, в нем нет блеска и зеленоватой поволоки, которую дает надежда и жажда жизни, скорее холодный, застывший лед, наслонившийся годами суровых морозов, который, подобно вечной мерзлоте, чувствует себя хозяином, зная, что не произойдет ничего сколько-нибудь значимого, чтобы его растопить.

– Ты что там делаешь? – раздался мужской голос со стороны спальни.

– Ничего, просто смотрю, – ответила я.

– Не на что там смотреть, иди сюда, полежим вместе.

Я молча прошла к кровати и прилегла рядом с Тимуром.

О мотивах

Прислонившись щекой к прохладной подушке, я думаю о том, как было бы хорошо отмотать время вспять, хотя бы на пару-тройку лет и сделать все по-другому. Сказать в ЗАГСе: «Нет!», пройти мимо по улице, не ответить на звонок или сообщение. Сделать что-то совершенно другое, тогда, возможно, мне не пришлось бы сейчас лежать здесь, на этой маленькой односпальной кровати среди разбросанных черновиков, не имея возможности сомкнуть глаз и забыться пускай тяжелым, но таким нужным мне сном. Но увы, рыбак из меня неважный, и в мой рваный невод неизменно попадаете только тина.

Я думаю, что каждому из нас хоть однажды задавали вопрос, жалеет ли мы о чем-то, совершенном в прошлом, хотели бы мы изменить какое-то событие, поступить иначе, повернуть время вспять. Анализируя события, происходящие вокруг, я часто думаю о мотивации и о том, что толкает человека сделать тот или иной выбор. А ведь выбор есть всегда, мир соткан из альтернатив и компромиссов. Но какие именно события приводят к тому, что решение принимается в пользу одного из вариантов? Наверное, из перечня берется самый очевидный и легкий путь, на прохождение которого затрачивается минимум энергии и сил, а польза для себя самого кажется наиболее очевидной и весомой.

Если бы у вас была машина времени, волшебная лампа и джинн, или дневник, при чтении которого можно изменить целый мир, подобно герою кинофильма, то что бы вы сделали в первую очередь?

Скажем, изменили бы историю, чтобы никогда не начиналась кровопролитная война, спасли котенка, сбитого на высокой скорости мимо проезжающим грузовиком, избавили весь мир от болезней? Могу поставить на кон весь скромный остаток своего банковского счета, что нет. Многие из нас начали бы копать в первую очередь в своем прошлом, ища причины произошедших неудач в своей голове, то самое событие, после которого мы чувствовали себя особенно жалко, испытывали жгучее чувство стыда, переживали сильнее всего, и именно на него было бы потрачено заветное желание, которое могло изменить судьбы миллионов людей. И да, скорее всего я тоже.

А если бы шальной рукой или под давлением кого-то или чего-то был выбран второй вариант, тень сожаления от утраченной возможности преследовала бы еще очень и очень долго, а, может быть, и до конца дней.

Жалеет ли мы о содеянном? Да, но чаще всего только тогда, когда результат необдуманного выбора не прогнозируемо затронул именно наши интересы или интересы самых близких людей, вызвал чувство стыда, финансовые расходы, моральные страдания и прочие издержки.

Я сильно сомневаюсь, что, отвечая «нет» на этот вопрос, можно быть хоть сколько-нибудь искренним, скорее всего, это лишь попытка произвести впечатление на собеседника, представить себя непомерно сильным человеком, чья воля тверда и непоколебима. А где-то глубоко внутри живет маленький робкий ребенок, напуганный последствиями собственных поступков, стараясь минимизировать которые, он попадает все в новые передраги, и их переплетения в конечном итоге постепенно превращаются в клубок.

Я помню долгие часы распутывания нитей в бабушкином вязании, когда в попытках привести в порядок то, что уже сплелось, уходило порою целые дни, прежде чем красивая гладкая пряжа снова могла идти в обиход для нового изделия. И, конечно, так счастливо этот унылый процесс заканчивался далеко не всегда, и порою бывало и так, что, несмотря на все усилия, безнадежно спутанные нити в результате отправлялись на свалку.

Я не хочу отправить на свалку собственную жизнь.

Натирая мозоли на руках до крови и мяса, я буду проводить дни и недели, пока наконец не смогу ее распутать и связать что-то совершенно новое, чего я еще не умела раньше и даже

никогда не видела. Вот тогда я смогу гордиться собой. А сейчас то, что я связала, похоже на результат бешенных игрищ кошек с вязальными нитками, а даже уже не на паутину.

Интересно, а какие мотивы были у меня, когда я совершала те или иные поступки? Наверное, все их можно объединить под известное выражение «благие намерения», дорога которыми выслана все мы знаем куда.

Жалею ли я о чем-то? О да, проще выделить несколько минут времени и клочок бумаги, чтобы составить скромный список тех событий в моей жизни, о которых я не жалею. И нет, не все, что случается, к лучшему. Нет, не на всех ошибках хочется учиться.

В этом я убеждаюсь каждый раз, когда смотрю на широкий белый шрам на своей руке. Жалею ли я? Безусловно. Научил ли этот поступок меня чему-нибудь?..

На самом деле подлинная причина всех моих поступков до безобразия проста – всегда, выбирая либо одно, либо другое, я останавливалась исключительно на том, что должно было сделать меня менее одинокой. Но почти каждый раз, принимая решение, я уплывала все дальше от берега, на котором оставались более счастливые и самодостаточные люди, попутно собирая на мой худенький плот таких же бедолаг, как я сама.

И неизбежно, по мере его переполнения, кого-то так или иначе приходилось сбрасывать за борт, а берега все нет и нет, даже на горизонте. Каждый такой сброшенный подопечный ускоряет хлипкую посудину, она начинает плыть быстрее, но все равно в сторону, противоположную от берега, ведь плыть против ветра она не умеет. И каждый раз в бортовом журнале сожалений добавляется новая запись о чувстве вины от принесенного в жертву пучине бедолаги.

Развернуть мой шаткий плот возможно, но для этого нужно долго без усталости грести руками, но на нем так много случайных попутчиков, что одна я не справляюсь, а они не хотят бороться, их руки слишком слабы. Так мы и плыли по течению, пока однажды одна маленькая, неизвестно откуда взявшаяся волна не перевернула вверх ногами всю посудину.

...Тем временем солнце уже село за окном. Я понимаю это по тому, что даже редкие блики не проникают в комнату и не помогают мне писать. Интересно, сколько сейчас времени...

Практически любое повествование начинается с описания главного героя, его внешности и типажа, черт характера, но мне трудно найти слова, чтобы описать себя по памяти. Зеркало тоже куда-то подевалось, да и в любом случае в темноте это бесполезная штукавина. Остается только отделаться скухими фактами: меня зовут Яна, и на момент, когда я это пишу, мне уже исполнилось тридцать два года. У меня есть сын тринадцати лет, я нахожусь уже в третьем по счету разводе после недосчитанного до конца количества отношений, не оформленных официально.

По-моему, у меня голубые глаза, темные длинные волосы и россыпь веснушек на носу, хотя последних может и не быть, они выступают только летом в условиях постоянного солнца. Рост что-то в районе метра семидесяти.

Пока еще видно хотя бы руки, я попробую как-то упорядочить написанное, вдруг завтра я не смогу это сделать, или часть листов затеряется или порвется, или я забуду все то, что на них уже есть. Тогда мне придется писать все сначала, а значит, заново переживать все события и вспоминать о людях, которых я очень сильно хочу забыть.

Я буду испытывать всю эту боль заново, чего я допустить не могу: с ней я могу больше не справиться.

Запись 2. В цвет крови

Я не знаю людей, которых тот или иной период жизни не навел бы на мысли о посещении психолога. Специалистов в этой области сейчас довольно много, ведь в нашу жизнь давно вмешались интернет-технологии и цифровизация всего вокруг. И практически любой из нас, получивших онлайн образование, может закреплять свой профессионализм методом упорных тренировок на живых людях, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

По моему ощущению, порядка восьмидесяти процентов знакомых мне людей, обратившихся за помощью к психологам, заплатив при этом кругленькую сумму, охотно хвастаются другим своим знакомым, что разоблачили очередного горе-специалиста. А сразу после этого доверяют свою судьбу в руки следующего и выводят на чистую воду уже его, не жалея сил и средств, либо же делают выбор в пользу самостоятельного разрешения накопившихся проблем, неожиданно приходя к выводу о силе собственного духа и твердости внутреннего стержня, при этом нередко отмечая успех изрядной порцией спиртного.

Примерно десять процентов знакомых мне людей слепы и восприимчивы к чужому мнению, считают специалиста сферы психологических услуг манной небесной, чье мнение непоколебимо и верно, и, как за великим Сенсеем, за ним надо идти во что бы то ни стало, пока хватает сил. И лишь оставшиеся десять воспринимают психологическую поддержку, как еще одно мнение, пусть и экспертное, но тем не менее человека, смотрящего на проблему снаружи, ведь даже самый лучший специалист знает ситуацию всего лишь с одной стороны, а вот вторая, как правило, остается в тени. Но знание именно ее может быть ключом к объективности в поиске истоков проблемы, а в дальнейшем и ее решению. Мы сами определяем, поможет нам терапия или нет, потому что только мы принимаем решение, насколько быть правдивыми.

Эффективность психологической помощи, увы, существенно снижается тем, что мы сами зачастую занимаемся очковитирательством и замыливаем внимательный взгляд специалиста неправдивой или неполной информацией, на подсознательном уровне желая даже в таком положении выглядеть лучше, чем есть на самом деле. А обращаемся мы не к известному экстрасенсу, а к обычному человеку, единственным источником информации для которого в большинстве случаев являемся мы сами.

Понятия бардак и мое прошлое уже давно стали синонимами, поэтому я ожидаемо являюсь постоянным искателем специалиста с волшебной палочкой. Попытки пройти сеансы психотерапии следовали одна за другой, за время которых я с завидной скоростью перемещалась из одной описанной выше группы во вторую, потом в третью, потом обратно, то «разоблачая» дилетантов, то пребывая в истерике, то слепо следуя сомнительным советам.

За время многолетних путешествий по разным уровням отчаяния, сменив сотни декораций уютных кабинетов с белыми креслами, я пришла к неутешительным выводам. Во-первых, ни один психолог или психотерапевт никогда не вытащит меня из депрессии, не решит моих проблем, не вернет мужа в семью, а деньги на счет в банке, не воскресит отца и никогда не сможет изменить прошлое. Все произошедшее в нашей жизни – это данность, и иногда эта данность приносит боль. И с этой болью нужно договориться так, чтобы можно было с ней сожительствовать и сосуществовать.

Еще в детском возрасте я часто задумывалась над значением такого слова, как «боль». Мне был не ясен до конца контекст его употребления: если мне нужно было получить таблетку для того, чтобы горло прошло, я должна была назвать маме именно это кодовое слово. И одновременно с этим мама могла сказать отцу: «Когда ты это сказал, ты сделал мне больно!» – хотя я никогда не видела, чтобы от произнесенных фраз у кого-то появился синяк, или хотя бы горло саднило. Позднее это понятие приобретало все более ясные и конкретные очертания

и форму, чему способствовали накапливающийся жизненный опыт и учеба в медицинском университете.

Пытаюсь вспомнить, как звучит толкование боли с точки зрения традиционной медицины. Я уже не помню точное определение, но в общем смысле это отражение любой формы страдания, будь то физического или эмоционального. Чувство боли защищает нас от разных опасностей, потому что является верным показателем того, что что-то пошло не так. Если не обладать таким даром, как способность ее испытывать, при первой же неприятности легко погибнуть, ведь тяжелые травмы и увечья останутся не замеченными: можно получить пулю в ногу и попросту идти дальше, оставляя на асфальте кровавые следы.

Таким образом, испытывать боль, в том числе моральную и психологическую, нормально, – это характеристика во всех отношениях здорового человека. И одновременно это чувство – главный маркер того, что что-то идет не так.

Мы все испытываем боль.

Первое, что хочется сделать, чтобы избавиться от боли, найти хорошую таблетку, приняв которую через пятнадцать минут можно будет забыть о ней надолго, а лучше навсегда и никогда не вспоминать. Но, даже ведя речь о страданиях физических, головной боли, сломанном ногте, да о чем угодно, приняв таблетку, мы перестаем ее чувствовать, но будем помнить всегда ее вкус и запах, обращаясь к архивным полкам своей памяти, и она услужливо достанет оттуда целое досье, в котором уже залиты кофе и разъедены пылью детали, окружавшие в тот миг: какой был день, солнечный или нет, какое время года, цвет надетой одежды, – но в деталях будет описано, какие эмоции в этот момент сменяли друг друга, что точно ты чувствовал, насколько сильно, а также характерные оттенки той самой боли, которую ты узнаешь из тысячи, если она повторится, хоть больше вроде и не болит.

С душевной болью все обстоит сложнее. Наш мозг устроен так, что, подобно заезженной пластинке, может, смакуя, проигрывать и проигрывать снова все то, что вызвало жгучую нестерпимую боль в сердце. При этом, в отличие от боли физической, по умолчанию он не архивирует самые толстые и старые тома страданий на самые высокие и пыльные полки, а, подобно усердному библиотекаря, оставит их на видном месте, зная, что пытливым читателем в скором времени запросит их снова, а потом еще и еще, пока не решит, что выгоднее оформить подписку с доставкой книг на дом или попросту все их купить, а не ходить каждый день в библиотеку по нескольку раз, тем более, что ночью она не работает.

Вот на этом этапе любитель чтения попадает в ловушку, его любимые книги в круглосуточном доступе, и можно в любой момент открыть любую понравившуюся главу.

В моем представлении психолог – тот человек, который может дать пинка засидевшемуся на работе библиотекаря и помочь запинать зачитанные и ветхие книги на те же самые далекие стеллажи, где лежат давно затертые ощущения от разбитой в детстве коленки.

Но, если подписка оформлена или покупка свершилась, и книги уже доставили домой, то они теперь неразлучны с их автором, и, начиная с этого этапа, психолог должен быть практически волшебником, чтобы, перечитывая вместе с ним главу за главой, хотя бы попытаться уговорить его отказаться от покупки. Какова вероятность того, что, изливая в течение часа историю своей жизни малознакомому человеку, он оставит свои любимые затертые старенькие книжки у него? Или выбросит их в контейнер за углом? Я не знаю. Мне это не удалось.

Если сейчас эти строки видит кто-то, не понимающий о каких книгах идет речь, то это во всех отношениях счастливый человек. Скорее всего у него много веселых и задорных историй в загашнике, а самое плохое воспоминание – это когда родители в детстве ставили в угол за плохое поведение. Увы, я заочно завидую таким людям, в моей жизни и ближайшем окружении их нет. Я бы не стала верить тем, кто говорит, что искренне радуется чьим-то успехам, если у самих все с точностью до наоборот. Как правило, те, кто радуется искреннее остальных, скорее всего желают, чтобы эти радости незаметно (или заметно) перекочевали к ним, оставив

предыдущего владельца у разбитого корыта, ну или не у разбитого, а хотя бы менее добротного и прочного.

Тот же, кому довелось пережить боль, несоизмеримую размеру душевных сил, всегда носит ее с собой за пазухой. Сначала это всего лишь тонкая брошюра, и вес ее совсем невелик, поэтому иногда он забывает на время о ее существовании. Но однажды, все еще тонкая книжица, начинает скользить под курткой, стремясь упасть вниз. Он резко одергивается и ловит ее, попутно вспоминая содержание. Проходит время, и книжки начинают вываливаться уже отовсюду: из-под куртки, штанин брюк, не заправленной в брюки рубашки, сбиваются в толстые тома и сборники сочинений, а он, подобно многоорукому Шиве, ловит их с завидным успехом и возвращает на место, прижимая ближе к телу, пока под весом этой ноши не падает вниз и уже не может встать. И вот тогда он уже не способен чувствовать новую боль, а это значит, что, проходя следующее испытание, может нанести себе увечья, угрожающие жизни.

Так вот, до того, как он упал, выхода только два: забыть, где лежат книжки памяти, и поэтому не взять их с собой в следующий раз при выходе из дома, или же найти вора, который исключительно идеи ради вламывается в дома, и попросить его их украсть, а затем и сжечь.

Принимая таблетку от физической боли, мы купуем нервные окончания, иннервирующие те или иные мышцы. Пытаясь заглушить страдания душевные, мы должны ослепнуть, чтобы не иметь возможности читать. В поисках спасительной слепоты, как правило, мы запасаемся новыми брошюрами, да и не только мы, а зачастую организовываем литературные вечера с нашим самым близким окружением.

Я долго пыталась забыть боль обиды, когда в детском возрасте меня жестоко наказала мама за проступок, не доступный для понимания пятилетнего ребенка. Когда затылок встречал железные и деревянные препятствия, я видела только его – красный цвет, цвет старого облупившего газового баллона, который стоял в коридоре. Точно такой же оттенок красного был у крови, капающей из рассеченной губы на нарисованные на полях сельской газеты каляки-маляки. Потом я долго не любила красный цвет. Нет, скорее я его боялась. Мне казалось, что я теряюсь на фоне красной одежды, выгляжу бледно, нелепо и жалко, как когда-то в детстве, и этот цвет съедал меня и лишал уверенности в себе. Сейчас я понимаю, что дело было в том, что это был тот самый оттенок красного, который заставлял меня снова и снова ловить ускользающие книжицы из-под милого детского платяца.

А потом я полюбила другой оттенок красного – цвет бордо и других сортов красного винограда. Пребывая в любви от одного оттенка красного и в ужасе от другого, я на время обретала божественную слепоту, а потом снова зачитывала свои записи до дыр, смакуя каждую подробность. И я так боялась этих литературных вечеров, что слепота постепенно становилась моим привычным состоянием, выходить из которого не было ни желания, ни сил. Регулярно на мой прикроватный столик приносили новые книги для ежедневного чтения, и они были так прекрасны, если часть страниц заштукатурить в красивый цвет пино нуар.

Но чем больше страниц закрашено красным, тем ближе тебе к сердцу эти записи и тем больше их читать.

Увы, любовь к раскраскам в зрелом возрасте далеко не так безобидна, как детское развлечение. Со временем ты хочешь раскраски побольше и потолще, чтобы было что красить, чтобы было больше того самого оттенка красного, запасаясь сначала карандашами, потом фломастерами, и вот в твоих руках гуашь...

И именно красный цвет, стоящий перед глазами, изначально привел меня в заботливые руки психологов. Первый такой опыт был сходен первой любви. Ты в наивной жадности ловишь каждое слово поддержки, одобрения, внимаешь советам, щедро льющимся на протяжении сеанса, а потом следуешь полученной инструкции, уже выйдя из состояния эйфории в свое обычное небытие. Но тем не менее тогда, в юности, это, хоть и на время, сработало. Мне стало легче.

К сожалению, далеко не в каждом случае у случайного или не очень слушателя оказывается достаточно усердия и компетентности, чтобы вытащить нутро своего подопечного наружу, и советы остаются очень плоскими и поверхностными. Так однажды чуть не рухнула моя собственная семья и окружавшая меня на тот момент хрупкая видимость стабильности. Да, в то время мой замок из песка еще не готов был быть снесенным волной неизбежных фактов, слишком слепы были мои глаза. Услышать слова собственного ребенка: «отдай меня в детдом», «я не могу терпеть в доме этого мужчину» было равнозначно ножу в спину, ведь я же стараюсь, думала я. Но слишком сильна была жалость к себе, и она в результате заглушила все доводы разума.

В тот период наша, как мне казалось, семья переживала очередной кризис по классическому сценарию притирки ребенка и отчима. Когда, пережив крушение одного брака, возникает острое стремление поскорее ворваться в другой в надежде обрести опору и избавиться от чувства одиночества, мы не думаем о том, что ненароком можем обречь в это самое одиночество своих детей, которые не выбирали этого человека в качестве соседа по квартире и совершенно не планировали делить с ним быт. Но все мы в глубине души эгоисты.

Если повезет, и рядом окажется взрослая самостоятельная личность, которая готова брать на себя ответственность (а это значит, держать ответ за свою семью), то рано или поздно проблема решается и получается вполне себе счастливая ячейка общества. Гораздо хуже привести домой эмоционально незрелого ребенка, который по уровню интеллекта, жизненного опыта и эмпатии находится где-то между кальмаром и утюгом.

И вот мы обратились к семейному психологу, одному из тех счастливиц, обладающих волшебной палочкой, способной исправить любые дефекты. Тогда я не хотела понимать, что проблема гораздо глубже, чем простой конфликт и притирка характеров, поэтому полученные мной на первых же сеансах советы срочно подать на развод я ожидаемо восприняла в штыки. На тот момент спросить совета мне было не у кого, все мои контакты с внешним миром ограничивались работой, а все окружающее пространство было заполнено исключительно обязанностями жены и, к сожалению, в меньшей степени матери, потому что «на что ты рассчитывала, когда выходила замуж?». И так случилось, что семейная терапия плавно перетекла от одного специалиста к другому.

Второго специалиста, уже психотерапевта, выбрал мой муж, с которым он уже имел опыт общения в прошлом. И, как ни странно, я услышала то же самое уже от него, но в другой интерпретации. Не нужно было рушить мой замок. Я оглянулась и увидела, что его итак уже нет или вовсе не было, а его красные песчинки от разрушенных кирпичей разнеслись по ветру и сыпятся в глаза идущих мимо прохожих.

Пора было посетить офтальмолога.

Но, как говорится, истина в вине.

Всем известно, что человек – существо социальное, и что ему делать, если он останется один? В моем случае самое простое и очевидное решение – заменить привычное окружение красным цветом. Еще больше и больше, тогда под призмой тусклого света блеклых красных ламп этот мир не кажется таким далеким и враждебным. Однако выключить этот свет потом вовсе не так-то просто. Ты прячешь его от окружающих яркими цветами одежды, умными речами, и только ты знаешь, что происходит на самом деле.

В попытках нажать выключатель и увидеть, что за окном уже рассвело, начинаются новые сеансы психотерапии. Что толкает людей ее посещать? По-моему, простая истина, психолог или психотерапевт – прежде всего человек, слушатель, и если он есть, то страх одиночества становится не таким сильным, ведь вас уже двое.

На сей раз посещение специалиста дало свои плоды. В этот период плохо было настолько все, что лучше, чем я есть, показаться у меня уже не получилось, и я наконец смогла посмотреть на себя со стороны. Словно в колышущейся ряби мутной воды затянутого тиной болота, я

разглядела ее, жалкую и еле живую сущность, которая с открытым ртом ждет и довольствуется любыми отходами, которые в нее забрасывает такое же жалкое и зависимое существо. Это был для меня новый вид боли, неведомый раньше, ведь я не знала себя такой, как же так: есть стабильная работа, внешне кажется, что тоже все в порядке, а я при этом жалкое зависимое существо? Тяжело принять такую правду. А еще большие страдания вызывает тот факт, что при глубоком анализе выясняется, что в тебе с малых лет заложено отрицание любых жизненных принципов нормального и психологически стабильного человека, то есть того, кто не испытывает боль постоянно. Навязанные с детства ложные стереотипы без должной трансформации по неизбежно тернистому пути взросления приводят к череде бед, разочарований, разрушенных надежд, а потом бросают в пучину одиночества и безвыходности, конца и края которых не видно до самого горизонта.

Однажды на сеансе с моим последним на сегодняшний день психотерапевтом Виктором мы разбирали основные черты уверенной личности. Меня убеждали в том, что человек вправе совершать ошибки столько, сколько их нужно, чтобы найти правильное решение. Задаю мыслью, сколько людей принимает этот принцип для себя? Кто из нас не возвращается снова и снова в памяти к событиям многолетней давности, анализируя свое поведение, изменив которое, не терзало бы до сих пор жгучее чувство стыда? И сколько таких ошибок можно совершить и сколько искать этот путь, чтобы не сойти с ума и не свести с ума окружающих?

Одним из распространенных заблуждений человека является то, что, пытаясь взять на себя часть проблем другого, он непременно ему помогает. Оказывается, где-то в мире счастливых людей, все работает с точностью до наоборот, и это право человека самому решать свои проблемы. Но как понять границы между уверенностью человека и эгоизмом?

А еще мы обсуждали, что можно менять свои решения и нарушать договоренности. Это вообще, как?

Моя голова до сих пор отказывается принять все эти советы, потому что финальная картина правильного восприятия жизни и окружающих у меня не складывается никак, наверное, уже слишком позднее время для глобальных изменений. Ведь, исходя из этих принципов, получается, что здоровый и уверенный в себе человек не может быть хорошим в общепринятом смысле этого слова. А те люди, общение с которыми из-за тех же самых принципов разрывалось без особенного сожаления, – это как раз психологически здоровые люди, живущие для себя, без боли и тяжести, скорее всего не имеющие выраженных дурных привычек или зависимостей. Хотела бы я стать одним из них? Безусловно. Смогу ли? Нет.

Да и вообще, даже соглашаясь с мнением людей, имеющих психологическое образование и опыт работы, нужно принять и тот факт, что, если какие-либо принципы не были заложены и надежно закреплены еще в детском мозге, в зрелом возрасте это чаще всего лишь утопия. Я придерживаюсь тех взглядов, что люди не меняются кардинально. Меняется обертка, а вкус остается тем же.

В реальной жизни, какими бы не были благими намерения и насколько не прогнозируем полученный результат, чувство вины от сделанного выбора, как правило, никуда не исчезнет, если не будет достаточно аргументов того, что все-таки он и был самым правильным.

Милая старушка в очень преклонном возрасте осталась одна в большом городе и пустой квартире, дети далеко, внукам тоже ездить каждый день, и не по разу, было сложно. Нагрянули возрастные изменения, началась сперва легкая амнезия, потом проблемы в быту, и решение самых простых задач стало делом практически невыполнимым. Дальше – больше: постоянное самотравмирование, сломанные руки и ребра, ярко выраженная чудаковатость. На семейном совете было принято решение о переезде бабушки к дочери, находящейся очень далеко от дома, в котором она проживала на протяжении последних тридцать лет. Ей был обеспечен хороший уход, забота и ласка, внимание семьи. Что могло пойти не так? Никто не думал, что смена обстановки спровоцирует резкое прогрессирование тяжелой деменции, и некогда

веселая старушка по сути превратится в лежачего пациента со спутанным сознанием. И чувство вины, пусть и непреднамеренной, будет терзать всех участников того семейного совета до конца дней. Я тоже никогда не справлюсь с этой болью.

И многие – многие другие истории из жизни, в том числе моего ближайшего окружения.

Виктор на каждом сеансе учить меня перестать бояться говорить: «Я не знаю». Это значит, что я могу принимать решение, даже если не знаю точно его последствий. Ни у кого из нас нет ответов на любые вопросы, мы не экстрасенсы и не метеобюро; а раз их нет, значит, мы не знаем, какие проблемы можем создать другим людям, и мы имеем право этого не знать. Значит, как бы там ни было, в последствии не может быть и угрызений совести от неверно принятых решений. Но кого мы называем людьми, следующими этому принципу? Бессердечными, эгоистами. Если кто-то не терзается чувством вины, если в результате его, пусть и непреднамеренных действий, пострадали другие люди, он непременно удостоится общественного порицания людей с повышенным уровнем эмпатии. Но экспертное мнение психотерапевта говорит о том, что это один из путей обретения душевного покоя. Я так не могу. А кто-то может?

Единственное, что я принимаю для себя, так это то, что никто не вправе никого судить. Но принятие этого принципа внутри себя – основное, с чем лично я борюсь долгие годы. Практически невозможно побороть навязанное в детстве поведение, согласно которому правильно руководствоваться общепринятыми правилами и мнением более важных и мудрых. Но, если я так и не смогу поменять это в себе, я все еще имею силы воспитать своих детей сильными и уверенными в себе личностями, не зависящими от мнения и суждений окружающих людей.

Пройдя этапы взлетов и падений, кабинеты хороших и не очень психологов, испробовав на себе ассортимент антидепрессантов и транквилизаторов, мной была избрана единственная хоть сколько-нибудь работающая на моей буйной голове сейчас модель – это внушение. Наподобие программ телепередач, которые, систематически повторяясь в эфирах, вкладывают в голову зрителя определенную точку зрения на отдельные события, я обзавелась собственным оратором. И я убеждена, что это может сработать не только на мне. Хорошо бы найти курс аудио или видео лекций эксперта в области психологии, который будет приятен, чья речь не раздражать, а подача материала не вызывать скуку и существенно не расходиться с концептуальными взглядами на жизнь. Я слушала и смотрела такие видеозаписи в течение нескольких месяцев на протяжении абсолютно всего времени, что находилась дома одна, на комфортной для уха громкости. Вскоре я заметила, что со временем мысли, которые пытается донести лектор, становятся фактами, переходящими в желание применить их и в своем обычном поведении.

Второй немаловажный результат – нет необходимости слушать звенящую тишину, отскакивающую от стен, потому что в это время одиночество практически не ощущается.

На мне такое «вправление» мозгов работает лучше встреч по расписанию со специалистом в реальной жизни, причем работает бесплатно, главное подойти ответственно к выбору материала.

Я верю, что настанет день, когда ясные мысли лектора с онлайн-канала совместно с регулярными визитами к психотерапевту на долгое время уменьшат для моих глаз яркость цвета красного газового баллона и хотя бы приглушат желание ослепнуть, чтобы разучиться читать.

Я верю, что мою душу еще можно спасти...

Запись 3. Любимое время года – красный

Не всегда лето для ребенка – это праздник.

Я не очень хорошо помню каждое из них, потому что одно было похоже на другое, и окончания этого славного времени года я неизменно ждала с большой надеждой хотя бы потому, что мне нужно будет гораздо меньше времени находиться дома. Для кого-то дом – это надежда и приют, но для меня – противный липкий страх и растущее чувство тревоги. Мне больше подходила школа – здесь меня хвалили за отличные оценки, и в ней были мои друзья, а вот дома у меня друзей не было.

На дворе стоял конец тяжелых во всех отношениях девяностых годов. Времени, когда практически каждый выживал, как мог, перебиваясь с копейки на копейку. Моя семья не была исключением, поэтому мысли и чувства взрослых были сосредоточены только на решении простых вопросов: что есть, что надеть и где найти на это денег.

Я жила в маленькой деревеньке на окраине одного из регионов нашей необъятной страны со всеми причудами и особенностями жизни в подобном месте. Бескрайние поля, в которых невозможно заблудиться, как бы далеко от дома ты не ушел, потому что видно все до самого горизонта, все три месяца лета – палящее солнце, которое уже с самого раннего утра дает о себе знать и не отпускает до поздней ночи.

Но, даже когда становится совсем темно и слышен только редкий лай собак и стрекот сверчков, воздух в комнате остается настолько горячим, что невозможно уснуть, и для погружения в заветное царство Морфея приходится постоянно вертеть подушку то на одну сторону, то на другую, чтобы хотя бы одна успевала немного остыть.

Каждое утро летом начиналось с одного и того же ритуала – гигиенических процедур у старенького рукомойника, висящего на улице, и как же было приятно окатить прохладной водой уже успевшее вспотеть от жары лицо!

Дальше взрослые составляли примерный план на день, который никогда не начинался с развлечений, и до вечера ждали те или иные дела по хозяйству, работа в огороде, на усаде или в полях, а если повезет, то уход за животными, которых мы растили в своем дворе.

Я никогда не боялась работы и не пыталась ее избежать, потому что хотела помогать своей матери, которую любила безмерно. Но, насколько сильно я ее любила, настолько сильно боялась. В моем случае любовь и страх шли рука об руку все годы моего детства, поэтому я старалась ее любить на максимальном, насколько это было возможно, расстоянии.

Я очень быстро смекнула, что сколько-нибудь спокойно могу жить, если лишний раз не буду никому напоминать о своем существовании, не буду проявлять излишней инициативы и делать только то, что говорят. В большинстве случаев это срабатывало, и, если что-то шло не так, я могла отделаться всего лишь выпущенными в мой адрес нелестными эпитетами, это могли быть всего лишь «дура», «лошадь большая», и ко всему этому я была готова, ведь, как правило, это не влекло за собой ничего большего. Тогда можно было произнести слова извинения, не вдаваясь в подробности, и жить дальше.

Моя мама прекрасна во всех отношениях. Она самый умный человек, которого я знаю, при этом еще и красивая, работающая женщина. Она всегда принимала возникающие на ее пути трудности с достоинством, и никогда я не слышала от нее и намека на жалобы на судьбу. Мама всегда все успевает: за многие километры ходить каждый день пешком на работу, потом, вернувшись, ухаживать за скотом и огородом, хотя это очень тяжелый физический труд даже для мужчины. Ее уважают все и везде – на работе и в нашей деревне, ведь она очень образованная и много всего знает о жизни. Но, будучи требовательной к себе, она еще более жесткая к окружающим, а со мной, к сожалению, ей не очень повезло.

Я бы очень хотела стать лучше и понравиться ей, но от моих стараний становилось только хуже. Наверное, я родилась уже с дефектом внешности и характера, потому что данные мне поручения всегда заканчивались полным провалом, или же результат был настолько неудовлетворительным, что ничего большего, кроме сравнения с кем-то из живущих в нашем дворе подопечных, я заслужить не могла.

Это стало понятно уже в пятилетнем возрасте, когда меня забрали жить от бабушки обратно домой. К тому времени у меня уже была родившаяся несколько месяцев назад младшая сестренка Аленка, и мне в первую же неделю после переезда был дан шанс проявить себя и хоть чем-то помочь родителям, но я не справилась и с этим. Только приехала, а уже фиаско.

Я сидела на ковре на полу с какой-то старенькой деревенской газетой, пожелтевшей от времени и пыли, постепенно разъедающей страницы. На тот момент я уже умела читать, чем очень гордилась, но рост урожая пшеницы в сравнении с прошлым годом меня волновал не сильно, гораздо интереснее было рисовать собственные иллюстрации к происходящим событиям и узоры на полях, чем я вплотную занялась, старательно прикусив язык.

– Яна, присмотри за сестрой, я пойду воду согрею, – сказала мне мама. – Ей нужно подгузник поменять, главное, чтобы, пока меня нет, она ничем плохим не испачкалась.

Я согласно кивнула и на время отложила в сторону ручку. Боясь даже моргнуть, я сторожила детскую кроватку, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Прошло пять минут, десять, потом пятнадцать, а мамы все не было. Малыш не предпринимал никаких попыток испачкаться, поэтому мне постепенно начало становиться скучно, ведь случая стать героем-спасителем, заслужив тем самым благодарность и похвалу, никак не представлялось.

В какой-то момент мое внимание снова привлекли рисунки на полях, и я сама не заметила, как продолжила выводить узор ручкой.

Внезапно я услышала крик и детский плач, но я не успела поднять глаза и выяснить, в чем дело. Меня пронзила жгучая боль в области нижней части лица, и я не сразу сообразила, что произошло. Я посмотрела вверх, и, увидев красную ладонь мамы, я начала переживать, что возможно она обо что-то ударилась, поэтому так нахмурены ее брови, а глаза полны гнева. Она что-то кричала, но я не понимала ее, потому что в ушах стоял звон, оттенки которого смешивались в моей голове с щиплющим противным ощущением в области губ.

– Ты что, даже на это не способна, дрянь?!

Слезы потекли по моим щекам, и от этого щипать стало еще сильнее. Потом я увидела Аленку в кроватке и поняла, что произошло. Все слова в мою сторону оказались справедливыми: пока я занималась творчеством, она успела испачкаться в своих же детских испражнениях. На меня, действительно, нельзя было ни в чем положиться.

Я опустила глаза и поняла, что мой рисунок безнадежно испорчен. Кровь, смешавшаяся со слезами, разъела мой красивый узор, он превратился в болото неясного красно-сине-фиолетового цвета, но мне было уже все равно. Он мне больше не нравился.

– Прости меня!.. – пыталась я исправить положение, но тщетно, меня уже никто не слушал.

– У меня течет кровь... – продолжила я.

– Не придумывай! – ответила мама.

Я поняла, что моя вина слишком велика, чтобы ее можно было бы загладить так легко. Я действительно дрянь, хотя даже не знаю, что это значит.

Мне повезло, потому что после того, как Аленку помыли, она успокоилась, и дальше с ней ничего страшного не произошло.

В тот день я приняла первое серьезное в жизни решение никогда больше не допускать подобных ошибок и быть всегда начеку. Я очень боялась того, что меня снова могут отправить жить далеко от матери.

Спустя немного времени, мне снова начали доверять серьезные дела, например, я должна была укладывать сестренку спать и следить за ее дневным сном. Мне даже казалось, что у меня получается, потому что один месяц лета сменил другой, а меня больше не обзывали и не наказывали.

Иногда я слышала, как бабушка просила маму оставить меня в покое, может быть, все-таки я вела себя не слишком хорошо, но меня спасал от справедливого возмездия еще более опытный и мудрый человек в нашей семье. Но, кажется, я была настолько неисправима, что очень скоро допустила еще одну роковую ошибку.

Я часто с бабушкой ходила кормить домашних птиц. Мне нравилось смотреть, как, обгоняя друг друга, утки и куры бегут к кучке пшена, перемолотой скорлупы яиц или пшеницы. Потом с недюжинным аппетитом под довольное кудахтанье, крикание и стучание клювов все яства сметались с земли, и довольные птицы шли дальше по своим пернатым делам.

В то лето так дела обстояли со всеми птицами, кроме одной, которая как раз высиживала птенцов, готовясь стать матерью. К ней мы с бабушкой ходили отдельно, насыпая в баночку горстку пшена прямо возле гнезда. Рядом с ней всегда стояло белое блюдце чистой воды.

Одним злосчастным летним днем родители куда-то надолго уехали вместе с моей младшей сестрой. Бабушка тоже куда-то запропастилась, и я была дома одна.

По моим ощущениям прошло уже очень много времени, а взрослых все не было. Я начала беспокоиться, ведь у нас еще столько дел, куры не кормлены, обед не готов. И тут я вспомнила про бедную курицу-наседку, которую, наверное, уже давно пора кормить, а про это, похоже, все попросту забыли. Но только не я.

– Как же меня похвалит мама! – решила я и, довольная своим очень правильным и своевременным решением, отправилась в сени за пшеном.

Придя во двор, я поняла, что спохватилась вовремя, ведь корм уже практически закончился. Я насыпала немного и, нагулявшись во дворе, пошла домой дожидаться родителей и справедливую похвалу за проявленную бдительность и чувство ответственности.

Вскоре вернулась бабушка. Я ее предупредила, что уже не нужно кормить наседку, так как все сделала сама. Бабушка назвала меня молодцом, и, воодушевившись еще больше, я стала ждать домой маму.

Родители вернулись поздно. Практически сразу по возвращению мама отправилась проверять и кормить домашних животных, а я тем временем с нетерпением ждала родительских объятий и ласкового поглаживания по голове.

– Иди-ка сюда! – раздался мамин голос из коридора.

Я выбежала в коридор, но не успела ничего спросить: в мои волосы впиалась чья-то рука и больно потянула назад настолько, что моя голова далеко запрокинулась и мне пришлось смотреть вверх.

– Мамочка, что случилось? – воскликнула я, очень сильно испугавшись.

– Дрянь!

Сильный толчок направил меня прямо в бревенчатую стену сеней. Мне повезло, и удар пришелся на спину и затылок, не задев лица. От ужаса я зажмурилась, но сквозь прищуренные веки я видела рассерженное лицо матери, практически бордового оттенка, а прямо за ней стоял красный газовый баллон, содержимое которого уже закончилось.

– Что произошло? – пыталась выяснить подробности своего страшного проступка я, но в этот момент безжалостная рука снова впиалась в мои волосы, они уже совсем запутались от колыханий.

Я плотнее зажмурила веки, стараясь больше не приоткрывать глаза, но потом моя голова ударилась о стену, и глаза открылись произвольно. Я снова увидела красный цвет облупившейся с железа краски.

Я понимала, что совершила что-то совершенно ужасное, за что теперь несу заслуженное наказание, но ничего не приходило на ум. Тем временем голова уже начинала немного болеть, но мое тело продолжало метаться от одной стены к другой, а один раз даже влетело в тот самый железный баллон, стоящий в коридоре.

Я не помню, сколько времени продолжалось наказание, в коридоре было слишком темно, пока мне на помощь не выбежала бабушка.

– Что ты творишь? – закричала она. Я подумала, что эти слова предназначены мне, и сейчас все продолжится с новой силой. Но, как ни странно, мамина хватка ослабла, и я уже могла встать ровно.

Я не заметила, когда начала рыдать, но, наверное, именно звуки моего плача привели бабушку мне на помощь.

– Что ты делаешь?! – голос бабушки уже срывался и приобретал истерические нотки.

Я отошла в угол в самую тень и пыталась пальцами расправить запутавшуюся шевелюру, попутно вытирая слезы. На руках оставались волосы, и я их энергично стряхивала на пол. «Ничего, – подумала я. – Они у меня итак были некрасивые». Гораздо больше меня волновало, что мой белый летний сарафанчик совсем помялся, а в одном месте даже оторвался рукав. Другого у меня нет, а ведь иголкой пользоваться мне пока не разрешают. От своих тяжелых мыслей я начала всхлипывать еще сильнее.

– Ты знаешь, что она натворила? – воскликнула мама. – Кто ее просил корм наседке давать? Курица клевала пшено и все просыпала прямо в укладку! Конечно она слетела с гнезда, не будет у нас теперь цыплят!

Я ужаснулась, неужели из-за моего необдуманного поступка на свет не появятся желтенькие малыши? Я зарыдала еще сильнее.

– погоди, не плачь, – сказала бабушка. – Я схожу посмотрю.

Как только она ушла во двор, мама хлопнула дверью и ушла в избу. А я так и осталась стоять в коридоре, боясь пошевелиться и лишний раз привлечь к себе внимание. Я ждала, когда бабушка вернется и вынесет свой вердикт. Возможно меня даже выгонят из дома.

Вскоре я услышала бабушкин голос.

– Свет, иди-ка сюда! – мама услышала и прошла мимо меня на крыльцо, где ее уже ждала бабушка. В руках у нее были куриные яйца. – Ты посмотри, зараза какая! Она на тухлых яйцах сидела!

В подтверждение своих слов бабушка разбила яйцо, и мерзкий запах распространился настолько далеко, что я в своем углу его тоже почувствовала.

– Ну понятно, – бесцветным голосом сказала мама и снова ушла домой.

Бабушка подошла ко мне и взяла за руку.

– Пойдем домой, прости ты ее, судьба у нее тяжелая.

Я сделала робкий шаг вперед.

– Бабуля, это что же значит, что я никого не убила?

– Конечно, нет, ты ни в чем не виновата.

Когда мы вошли, мама что-то делала на кухне, я незаметно проскользнула в другую комнату и села на диван напротив телевизора. Сбоку стоял большой коричневый шкаф с зеркалом, но мне было страшно повернуть голову и посмотреть в него, и я снова начала понемногу всхлипывать.

Потом пришла мама и села рядом со мной на диван. Я застыла от ужаса, потому что была уверена, что упреки и обвинения сейчас продолжатся, ведь во двор без взрослых я пошла, действительно, без спроса. Но мама меня обняла.

– Прости меня, дочь, – сказала она. Такие простые слова, но они были такие весомые, такие нужные. С моих маленьких плеч свалился тяжелый груз, и я снова могла без опаски перемещаться по дому и возможно даже во дворе.

Я обнимала маму, и мое сердечко радовалось тому, что она меня наказала. Бабушкой доказано, что я не виновата, мама с этим согласилась и чувствует себя виноватой, а это значит, что есть немного времени впереди, когда меня все будут жалеть, а, значит, обнимать. Только ради этого стоило выдержать любую взбучку.

В оставшийся месяц лета ожидаемых частых объятий конечно же не было, но никто меня и не трогал, что в общем-то тоже было хорошо. Я занималась своими обычными детскими делами, в перерывах между которыми сидела с сестренкой.

Так прошло лето, а в начале осени мама мне даже купила модную заколку за работу в саду, и я решила, что жизнь налаживается.

Но потом наступило очередное жаркое лето, которое принесло с собой новые оттенки боли и отчаяния. Как обычно, у мамы все лето был отпуск, а это значит, что все мы, за исключением отца, находились дома, и к этому времени у меня уже была еще одна сестренка, Дашка.

Она была активным быстро развивающимся ребенком, и уже неплохо умела ходить и даже что-то лепетала, иногда даже на понятном другим языке. Мои прогулки превратились исключительно в походы вокруг дома с двумя маленькими сестрами, потому что гулять без них я практически не могла. Родители были очень сильно заняты подсобным хозяйством.

Бабушка как раз уехала по делам в город, поэтому большая часть забот о сестрах легла на мои уже почти семилетние плечи. На время бабушкиного отсутствия я всегда старалась вести себя особенно хорошо, потому что, случись что, не могла ничего сказать в свою защиту более взрослым и мудрым, а вот бабушка могла. И она меня всегда жалела.

Ничто не предвещало беды. Мама жарила какие-то гренки из пшеничного хлеба, мы с сестрами хватали их прямо со стола, пока еще горячие, и в аромате ванили и сливок убегали снова на улицу под теплое солнце играть и дышать свежим воздухом.

Я жевала очередную гренку, сидя на лавочке у дома, и наблюдала, как малыши играют рядом на траве. Мне было в целом скучно, но при этом очень вкусно.

– Дай хлебусек! – капризно сказала Дашка.

– У тебя есть свой, – парировала я. Почему я опять должна уступать малышне. Все было поделено справедливо.

– Ну дай!!! – захныкала она.

– У тебя же есть еще своя гренка, – не хотела я уступать. – Если не наешься, сходи возьми еще.

Дашка не сдавалась и начала молотить меня ручонками по ногам. Тут я рассердилась и оттолкнула ее руки.

– Сама иди возьми! – отрезала я.

Дашка заревела на всю улицу и побежала в сторону дома. Я почувствовала, как пот начинает пробиваться на спине, ладонях и подмышками, ведь было понятно, куда именно побежала моя сестра.

– Дашка, стой, я передумала, забирай! – я побежала к дому за сестрой.

К этому времени она, как мне казалось, кричала уже на всю деревню.

Когда мы с малышкой бежали в сторону дома, случайно натолкнулись на жуткую картину: соседский кот, пытаясь победить в схватке с нашим Барсиком, больно вгрызся ему в шею так, что наш питомец громко запищал. Дашка напугалась и уже заходила от рева. Я же на мгновение остановилась, схватив с земли камень, и бросила в сторону становившейся уже смертельно опасной потасовки. Соседский кот ослабил зубы, и я с облегчением увидела, как Барсик выдернул шею из пасти этого ужасного кота. Теперь можно было снова бежать догонять сестренку, которая уже почти добралась до матери.

– Ма-ма, она вот тут ду-си-ла! – всхлипывала она, показывая на область шеи.

– Кто душил? – сурово спросила мама.

– Она, тут, – сообщила Дашка, показывая на шею.

Я же не могла понять, что она пытается рассказать матери, случай с котом или же какую-то новую, ужасную историю про меня. На всякий случай я решила обороняться.

– Не ври! Зачем ты врешь, я просто не отдала тебе свою гренку! Мама, она обманывает, это неправда, я ничего не сделала! – в ужасе сказала я.

Но, кажется, пытаюсь себя защитить, я сделала только хуже.

– Как душила? За что? За кусок хлеба? Это что за такое у нас растет! – фигура мамы резко развернулась в мою сторону.

Я резко бросилась бежать и приняла не самое лучшее решение спрятаться в доме. Скрыться в нем было негде. Все мои тайники были хорошо известны взрослым.

Мама нашла меня за кроватью террасы. Я уже громко рыдала, потому что понимала, что мне никто не верит, и наказание последует незамедлительно. Ну почему я не смогла все объяснить?

– Дура, да как тебе не стыдно! Ты что, убить ее хотела? Да что ты за человек!!! А ну выходи сюда, нечего там сидеть! – кричала мама, и я нехотя вышла из своего укрытия, сообщив, что оно меня уже не спасет.

– Поверь мне, пожалуйста, я ничего плохого не хотела...

От толчка я упала на кровать, старые пружины сжались, а потом со скрипом выпрямились обратно, подбросив мое тело немного вверх. Но потом оно снова больно приземлилось на кровати от удара ладони.

– Это что такое? – вопрошала мама. – Ты хочешь меня без ребенка оставить? Кого мы воспитали на свою беду? Что мне с тобой теперь делать?

Шлепки сыпались один за другим: сначала по спине, потом по рукам, ниже по ягодицам, пока не доходили до ног, и тогда все повторялось в обратной последовательности. От боли я не могла уже даже рыдать или пытаться оправдаться, поэтому, плотно сжав зубы, ждала, когда все это закончится.

Наконец, мама ушла.

Еще долго я лежала и рыдала навзрыд в подушку, а когда слезы высохли, попыталась сесть, но не смогла. Все, что мне оставалось, это лежать, или пытаться ходить понемногу, но куда мне идти, если я боюсь заходить домой.

Так я пролежала, пока не стемнело. Потом я включила свет и увидела, что мое тело покрыто уродливыми лиловыми синяками. «Вот почему так больно», – подумала я. В этот момент я не думала о несправедливом наказании, а только лишь о том, что мне в очередной раз не поверили, решив, что я лгунья.

«Может быть, это так и есть? Я и правда не заслуживаю никакого доверия? И меня за мои грехи наказывает Бог?»

С этими противоречивыми мыслями в этот день я легла спать.

На следующее утро я попробовала попросить у мамы прощения, но все тщетно, для нее я теперь была убийцей. Все, что мне оставалось, так это отправиться гулять со своими маленькими сестрами и, выполняя все их капризы, хотя бы попытаться заслужить прощение.

Бабушка вернулась через два дня. Я выбежала на крыльцо ее встречать, крепко обняв ее за шею при встрече. На мне были летние шорты и майка, ведь на улице все еще стояла жара. Бабушка молча взяла меня за руки и задумчиво начала рассматривать сначала их, потом ее взгляд опустился на ноги. Ничего не сказав, она молча вошла в дом.

Вечером я слышала обрывки разговора на кухне между бабушкой и мамой, из которого я поняла, что о моем поступке в дашиной интерпретации теперь известно всем. Я думала о том, что теперь у меня не осталось ни единого защитника, на моей стороне теперь нет никого. Для всех я предатель, и мне теперь жить с этим всегда.

Но бабушка сказала:

– Я забираю Яну с собой. Мы уезжаем завтра.

Я повернулась лицом к спинке дивана, поправила одеяло и уснула.

Мгла

В комнате темнотища такая, как будто уже глубокая ночь. Я разобрала только часть своих записей, но не уверена, что все разложила верно. Как только станет посветлее, я продолжу писать, но сначала приведу все хоть в какую-то видимость порядка. Пора бы уже научиться к таким годам поддерживать декорации вокруг в каком-то структурированном состоянии, но, увы, для меня это не так просто. Никогда не умела поддерживать уют.

Я спускаю ноги с кровати на пол и чувствую, какой он холодный, что неудивительно, ведь лето закончилось, а осенью ночи не радуют теплом. Хотелось бы выпить хотя бы чашку горячего чая, но для этого надо тихо проскользнуть на кухню – мой сын скорее всего уже спит. Завтра рано вставать на занятия.

– Черт поberi! – я больно ударила ногой обо что-то на полу, очень похожее на сумку. Надо, наконец, провести генеральную уборку.

Я подхожу к двери и понимаю, что дверь то ли заклинило, то ли она заперта. Наверное, как-то неудачно захлопнулось.

– Вот и попила я чаю, – теперь придется ждать до утра, когда Богдан проснется и спасет свою непутевую мать из очередной передряги.

Спать совсем не хочется, поэтому я стою, прижавшись к плотным жалюзи, чтобы разглядеть хотя бы что-нибудь из того, что происходит на улице. Я вижу фонарь, отбрасывающий тени на мокрый видимо от прошедшего дождя тротуар. На нем угадываются очертания замысловатой формы кленовых листьев, большая часть которых утонула под натиском пролившейся с неба воды. Природа очень интересна и изменчива, еще пару часов назад, когда я смотрела в окно, ярко светило солнце, а уже сейчас когда-то успел пройти вполне себе серьезный дождь.

Надо утром напомнить Богдану, чтобы взял в школу зонт, не хотелось бы потом лечить простуду.

Видимо, так и придется мне сидеть до самого утра в полной темноте. Уснуть у меня сегодня уже вряд ли получится, а мобильник, судя по всему, остался на кухне. Наверное, если бы я ориентировалась в темноте получше, смогла бы нащупать выключатель, но это точно не про меня. Таким бестолковым особям, как я, к подобному варианту развития событий надо готовиться заранее. Вообще у меня с памятью в последнее время творится что-то неладное, наверное, сказывается стресс.

Я снова сажусь на кровать и плотно заворачиваюсь в одеяло, в комнате становится холодно. Покурить бы сейчас.

Вообще эту во всех отношениях скверную привычку я заработала совсем недавно, когда проходила процедуру своего последнего и самого убийственного в моральном плане развода. Сигареты в какой-то степени помогали мне справиться с накопившимся напряжением хоть на какое-то непродолжительное время, и я, как, наверное, и многие, была уверена в том, что, как только стрессовая ситуация будет разрешена, без особых проблем смогу от них отказаться. Но вышло так, что я попала в ловушку еще одной абсолютно мне не нужной зависимости и теперь являюсь постоянным клиентом еще и табачного отдела. Кому я только не обещала завязать: и себе, и друзьям, и родственникам. Но свербящее чувство в гортани, сигнализирующее о том, что пора пополнить запасы никотина в организме, снова и снова приводит меня в места для курения. Какая забавная штука – начать курить в возрасте, когда все адекватные люди уже пытаются бросить.

Я тоже завязу. Как только наведу порядок в своей жизни. Как же это смешно звучит, даже для меня. Сила воли – не моя сильная сторона, ведь я до сих пор не смогла побороть ни одной своей вредной привычки. Раньше у меня хотя бы получалось скрывать их от окружающих,

наверное, это должно было говорить о том, что у меня не было сильной зависимости, а вот теперь мне стало уже все равно. И это очень плохо.

Нет, так нельзя, это неправильно. Как я буду смотреть сыну в глаза, когда он подрастет? Что он обо мне будет помнить? Точнее, что он запомнит хорошего?

Я должна взять себя в руки хотя бы ради Богдана. Мой сын стал тем единственным хорошим, что заполняет мое сердце, и только он из принадлежащих к мужскому полу людей еще не пытался его разбить.

Богдан не должен видеть мой плохой пример. Завтра настанет утро, и я начну день по-другому, я верю в это. Но где же мои сигареты...

Запись 4. Конь уже в стойле, а с принцем что

Тогда я жила уже в Москве, давно покинув родной город, и еще задолго до этого деревеньку на его окраине. Стояло не самое жаркое лето. Оно было совсем не похоже на то, что в детстве, когда мы прятались в любой тени от нещадно палящего солнца, но это было не важно, потому что все вокруг снова было зеленым, а зеленый с недавних пор мой любимый цвет, вселяющий надежду.

То немного теплое и ласковое, что до сих пор согревает меня изнутри, связано с его оттенками: бескрайние зеленые луга и поля, деревенские домики ярко-салатового цвета, выкрашенные зеленой пасхальные яйца, темно-зеленые листья сирени, которыми мы играли с соседской детворой, покупая на пачки зеленых товары в импровизированных магазинах: палки, пустые жестяные банки и стеклянные бутылки из-под лимонада, теперь наполненные водой. И каждый раз, когда природа оживает после зимней спячки, а в летние месяцы распускается в полную силу, для меня не важно, тридцать градусов на улице или всего пятнадцать, льет ли дождь или палит солнце. Я также, как и в детстве, жду чего-то хорошего именно от этого, только что наступившего, лета: того самого ощущения свободы и легкости, какое испытываешь, бегая босиком по зеленому лугу или валяясь в тени развесистой яблони в саду. Такое же прекрасное чувство, как смотреть сквозь темный фильтр на солнечное затмение – разве это не чудо, а в саду на грядке спеет клубника, слегка подпаливаясь на солнце, и впереди еще целое лето, и вся жизнь. В это время любое сердце, даже вдребезги разбитое, жаждет любви, и занять в нем место так легко, всего лишь дав росток надежды.

Лето – сезон отпусков, прогулок по пляжам и красивым местам, крепко держа друг друга за руки; это накинутая вечером на тонкие плечи мужская кожаная куртка, пикники на природе и долгие нежные объятия у подъезда на лавочке. Проводить это время в глухом одиночестве особенно тяжело, ведь стоит выглянуть в окно, как на глаза обязательно попадет хотя бы одна счастливая влюбленная парочка, в которой девушка гордо несет перед собой в руках только что подаренный возлюбленным букет цветов. Хоть бы это были не ромашки.

И мне до боли хотелось того же. И, пусть я понимала головой, что время для любви и отношений еще не наступило, душа безумно хотела романтики, горящих глаз и волшебства, поэтому она нетерпеливо застыла в ожидании сказки.

Прошло много времени с тех пор, но даже теперь с чувством трепета и восторга я вспоминаю день нашей первой встречи. Скатился ко всем чертям преисподней мой очередной несчастливый брак, принесший мне в сухом остатке лишь долги, расшатанную психику, зависимость от никотина, пустые бутылки в мусорном баке и этот гадкий, ползучий, липкий страх одиночества. Теперь я снова одна. Никому не нужная. Недостойная ничего, кроме разовых ни к чему не обязывающих интимных встреч, лишенных душевного тепла и заботы. Мне виделось, что вокруг женщины красивее, достойнее меня и несомненно мудрее. Моя же участь в лучшем случае – одиночная палата психоневрологического диспансера. А когда вокруг меня красный кровавый туман сгустился настолько плотно, что было уже не видно рук, я встретила Илью. Это был мой первый мужчина из самой столицы, таких у меня еще не было.

Первое, что я заметила, впервые увидев его, это ослепительную в своей искренности белозубую улыбку, которая, как казалось, была предназначена исключительно мне, чтобы согреть потрепанную душу теплом и привнести в нее лучик света. Кареглазый высокий брюнет был одет в очень дорогой костюм люксового бренда, а его автомобиль как будто только что сошел с конвейера. Он знал, как нужно вести себя с девушкой, и чары безупречных манер, доведенных до совершенства, окутали мое спутанное сознание. Я впервые в жизни почувствовала себя принцессой. Хотя даже в старых сказках в этом возрасте героини уже далеко не принцессы, а, если сильно повезет, то, в лучшем случае, королевы или высокопоставленные дамы

с кучей детей и огромным багажом мудрости и жизненного опыта. Хуже не придумаешь, когда принц на белом коне наконец-то до тебя добрался, а принцесса уже не та и туфли жмут.

Кровавый туман вдруг начал отступать, и на смену ему пришла пелена, обманчивая, бледно-розового цвета. Я видела раньше такую в разных фильмах, когда главные герои, уже почив, отправлялись в мир иной, и там, на перепутье, где решался дальнейший удел души, видели точно такую же. Туман, который обволакивает и дает покой, но никто не знает, что за ним ждет, какая уготовлена судьба на веки вечные.

Мы обедали в дорогом ресторане, а я думала о том, что наконец-то судьба повернулась ко мне приличным местом, и я смогла заполучить мужчину мечты; не бомжа из подворотни, которого нужно сначала отмыть, привести домой, а потом долгие годы следить за тем, чтобы он ничего не вынес дома из мебели в очередных приступах бродяжничества. До меня снизошел настоящий мужчина, личность, человек, который многого добился в жизни сам и не будет за счет меня пытаться за нее цепляться.

Илья много говорил о себе, своем жизненном опыте, а мне не приходилось ничего придумывать, чтобы поддержать беседу. Все итак шло легко и комфортно, как по маслу, и мне наивно думалось, что причиной тому мои чары и обаяние, подкрепленные зарождающейся искренней симпатией. С серьезным и честным лицом мой принц на белом коне рассказывал о своих планах на будущее, выстраивании крепкой и счастливой семьи, для которой он выбрал именно меня из сотен других претенденток, а уже к вечеру я уже точно знала, где мы с ним будем жить и чем заниматься. И конечно в моей голове моментально сложилась картина счастливой семейной жизни, и, как у девушек водится, она с каждой минутой обростала все новыми деталями и подробностями, включающими предстоящую свадьбу и процедуру смены фамилии.

Столько восторженных слов о моей природной красоте я не слышала никогда и ни от кого до этого. Мужчины, конечно, часто мне делали комплементы, и некоторые из них даже были настолько приятными, что трогали за душу, но именно сейчас, когда мое сердце было разорвано на куски, а самооценка уничтожена без перспективы скорой реанимации, эти слова заиграли новыми красками.

Мы обсуждали книги, которые Илья прочитал. Я многие из них также прочла, поэтому поддерживать такую беседу было приятно и нетрудно. Подобно монотонному голосу с новостного телеканала, он выстраивал в моей одурманенной голове свой образ, крупицу за крупицей, и вот я уже многое знала о финансовом бизнесе, карьере и известных людях нашей страны, с которыми Илья идет рука об руку и ведет дела. Это очень льстило, мне чудилось, что я поднялась как личность выше на целую ступень, ведь мы – отражение нашего окружения, а еще воскрешало веру в мужчин.

– Хорошо, что ты можешь позволить себе носить пирсинг в ушах, – говорил он. – Мне все это конечно тоже нравится, но сама понимаешь, когда находишься на таком уровне и общаешься с серьезными людьми, такие причуды уже не по статусу.

Потом зачем-то резко Илья завел речь о покупке одежды, похвалил мое платье, сказав, что оно мне очень идет, после чего добавил:

– Я вообще очень скромнен в одежде, даже не знаю, какие вообще бренды есть. Меня в магазин силком не затащишь. Вот только на днях попал на распродажу, купил ботинки, представляешь, всего-то за тридцать тысяч рублей, – похвалился Илья.

А я тогда подумала, что на тридцать тысяч рублей могла бы закупить целый гардероб для себя и своего ребенка. Но почему-то сказала:

– Действительно, дешево.

И больше никаких полезных умозаключений я в тот день для себя не сделала.

Но тогда, еще не успев растерять крупицы здравого смысла, я подумала, а почему принца совсем не интересует, кто его принцесса, откуда я, что люблю, ведь мы вместе начинаем путь к светлой цели – созданию семьи. Но яд влюбленности был настолько силен, что я не при-

дала этому большого значения. Пребывая в мире розовых пони и добрых единорогов, несущих букеты цветов, я в тот день вернулась домой.

Мы с Ильей познакомились в бесплатном чате знакомств. Месте, где можно выдавать себя за кого угодно, загружать любые фотографии и называть себя любым именем. В тот день я пребывала в очередном сладком дурмане виноградных напитков, жалея себя и свою нелегкую долю, которая в очередной раз оставила меня в международный женский день без цветов от любимого мужчины. Моя память заботливо подсказала мне, что пришел мой час воспользоваться советом опытной в этих делах знакомой и попытаться счастье в унылый вечер в не менее унылом чате знакомств. И вот, указав имя Кира в анкете и отправив вместо своей фотографии нижнюю часть своего лица, я в предвкушении своей судьбы продолжила нагрузочное тестирование своего организма.

В этот день Илья мне не писал, но, как ни странно, я встретила на этой помойке по-настоящему хорошего человека, общение с которым поддерживается и по сей день, но, к несчастью, в моем сердце он смог занять только место хорошего друга. Ведь я люблю страдать, а сердце жертвы не подпускает к себе никого, кроме охотника.

И вот спустя уже несколько месяцев мне написал Илья. К тому времени я уже успела оценить идею интернет-знакомств, как крайне неудачную, и давно и думать забыла об этом. Общение как-то сразу задалось. Мне было весело, легко, интересно, ибо он сразу зарекомендовал себя, как человек неглупый и начитанный, к тому же с отличным чувством юмора. С его слов, не пьет, не курит, занимается спортом, любит готовить, слушать виниловые пластинки, страстно увлечен историей и конечно мечтает о жене и детях, в связи с чем готов полностью взять на себя ответственность за свою семью.

Переписка велась постоянно, с перерывом не более получаса днем и на сон ночью. Илья желал мне доброго утра и спокойной ночи, интересовался, как прошел день, просил присылать фотографии, где я нахожусь и что делаю. А мне в свою очередь не казалось странным, что человек его статуса, типажа и положения всерьез мечтает найти себе жену на свалке одиноких душ в первом попавшемся бесплатном чат-боте знакомств.

Сейчас я понимаю, насколько тревожно выла сирена еще в начале нашего общения. Громкие слова и обещания начались задолго до первой реальной встречи, а это значит, что по невероятному стечению обстоятельств Илью заинтересовали моя фотография с фрагментом губ и подбородка, а также вымышленное имя. Кстати, первое же сообщение, с которого и началось наше знакомство, было полно восхищения прекрасным именем Кира и моими красивыми губами (которые я вскоре переделала). Когда я назвала ему свое настоящее имя, произошло настоящее чудо, ведь оно оказалось еще лучше, и вообще, когда выбиралось имя для его дочери, он сомневался именно между этими двумя именами. Боже, бывают же совпадения! Правда ребенка почему-то в результате назвали Карина, но что в этом странного, все логично.

После первой встречи начался конфетно-букетный период и бурные ухаживания, цветы на работу, подарки, частые встречи, нежность и романтика. Крохотная, на тот момент еще функционирующая, часть моего затуманенного мозга кричала мне, что не нужно торопиться, что-то тут не так, где-то пазл не сходится. Но сказка, в которой я оказалась впервые в своей жизни, вскружила мне голову и выключила разум, ведь за мной никогда так красиво никто не ухаживал.

Я с остервенением отгоняла прочь закрадывающиеся в мою голову сомнения по поводу его порядочности, несмотря на то, что в сотнях рассказанных мне историй из жизни явно прослеживалось, что Ильей систематически пренебрегались абсолютно все моральные принципы, причем настолько, что отдельные поступки могли вполне закончиться трагично для чьего-то здоровья. Он обманывал партнеров, присваивал чужое и без тени сожаления выгонял толпы людей на улицу, оптимизируя предприятие под своим чутким руководством. И ни об одном таком поступке он не жалел даже на словах.

Своим же нынешним статусом Илья во многом был обязан тесным связям с людьми, пришедшими в бизнес из начала нулевых, которые из парня в прохуdivшихся кедах слепили успешного предпринимателя. А дальше он уже свое не упустил, пытаясь выкроить выгоду из каждого представившегося случая.

Но была у Ильи и другая сторона: находясь рядом с ним, я становилась лучше. Мне хотелось порхать, словно бабочке, над зеленой лужайкой, заросшей ромашками. Я снова начала читать книги. Илья порекомендовал мне свои любимые – по истории средних веков. Мне не очень нравятся книги по подобной тематике, но мне хотелось лучше понимать своего мужчину, поддерживать его интересы, и я заставляла себя их читать.

Я начала учить английский язык, хотя собиралась это сделать неоднократно, но все было как-то не до этого и лень, а вот теперь мы стали делать это вместе.

Потом Илья мотивировал меня вернуться в спорт. Я не посещала спортзал уже несколько лет, не разрешал бывший муж, и вот теперь я снова могла заниматься любимым делом. Илья обещал записать меня в фитнес клуб, куда ходит он сам, но времени у него так и не нашлось, поэтому абонемент был приобретен мной отдельно.

Мы ходили в кино, вместе обедали, гуляли по парку. Каждый раз он встречал меня взглядом, полным восхищения:

– Ты такая красивая! – говорил он. А я наполнялась уверенностью.

Я чувствовала, что на смену настороженности и недоверия приходит влюбленность. На тот момент у меня были и другие поклонники, но, как мне казалось, все они были недостойны даже мизинца на ноге Ильи. И я прекратила с ними общение.

Илья не торопил меня с началом интимных отношений, сказав, что секс для него не первостепенен, и он готов ждать, сколько потребуется, потому что на мой счет у него очень серьезные намерения. Вот тогда я потеряла голову окончательно и пути назад больше не было.

Однажды я уехала на несколько дней в родной город, где случился безобразный скандал с моим бывшим мужем и его семьей. Снова втоптанная в грязь, я вернулась в Москву, раздавленная и уничтоженная. Но душу грела мысль, что где-то тут рядом есть Илья, который обещал меня любить, заботиться и поддерживать, а я верила ему, у меня не было причин не верить.

На тот момент мы были знакомы уже несколько месяцев. И сразу по моему приезду в Москву я решила, что пора уже сдать. Мы с Ильей были почти круглосуточно на связи, как мне казалось, не могли друг без друга жить, и в первый же день после моего возвращения он приехал ко мне домой, где все и случилось.

При всем моем опыте, наша интимная связь с самого начала была необычной и волнующей, я одновременно тонула в пучине страсти, нежности и разврата. Ни до, ни после ничего подобного с моим телом не происходило, и я никогда не делала подобных вещей и не подумала бы раньше, что на них способна. Но для Ильи я была готова на все, и со временем все наши игры стали захватывать и меня тоже. Я погрузилась в новый неведомый доселе мир сексуального разнообразия и мысленно проводила параллели с редкими малоприятными интимными встречами в постели в своих предыдущих отношениях.

После того, как Илья сообщил, что скоро мы начнем вместе жить, а потом поженимся, лучше на Кипре, о моей любви узнали все: подруги, приятельницы, родственники. Я уже знала от Ильи, какая у кого будет комната, и он поклялся, что сделает меня счастливой.

– Как можно быть счастливым, если твоя девочка не счастлива, – постоянно говорил он. – Мы скоро обойдем все-все культурные места Москвы, съездим везде-везде, и все, что ты захочешь, хоть луну с неба!

Несмотря на всю серьезность намерений, за все время отношений Илья не познакомил меня ни с кем из своего окружения, ни с родственниками, ни с друзьями, хотя регулярно присылал фотоотчеты с семейных посиделок и походов на мероприятия. У него дома я тоже ни

разу не была и не имела даже понятия, в каком районе он живет: встречались мы либо у меня, либо в номере отеля.

Но я продолжала верить, что все хорошо. Приятная тяжесть обещаний, словно дымка, окутала мой разум, и я не сразу заметила, что Илья стал реже приезжать, увеличилась нагрузка на работе, а инициатором сообщений и встреч стала я. Несмотря на это, он продолжал говорить мне о любви, и на меня щедро лился водопад новых обещаний, смывающих сомнения и дающих надежду.

Постепенно ко мне возвращалось тревожное расстройство и все связанные с этим неприятности: постоянное ожидание беды, которая вот-вот уже должна случиться, плохой сон, перепады настроения. В глубине души я уже начинала понимать, что Илья меня просто использует для достижения каких-то известных только ему целей, и видимо в этом он имеет успех.

Спустя еще пару недель после этих неутешительных выводов у меня появились сомнения в правдивости его слов и намерений. Несмотря на спортивный образ жизни, о котором он постоянно отчитывался отправкой фото и видео в мессенджеры, выяснилось, что Илья все-таки выпить не дурак, причем не брезгает делать это в одиночестве, да и краски при этом у него другие – светло-коричневый цвет добротного выдержанного виски или коньяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.